

ПАМЯТЬ

Включите в себе люстру и работайте надзвездно

Сегодня народному артисту СССР Евгению Рубеновичу Симонову исполнилось бы 70 лет. На вопрос: «Не считаете ли вы, что, как Личность, Симонов обогнал свое время?» - отвечают его ученики и товарищи по театру.

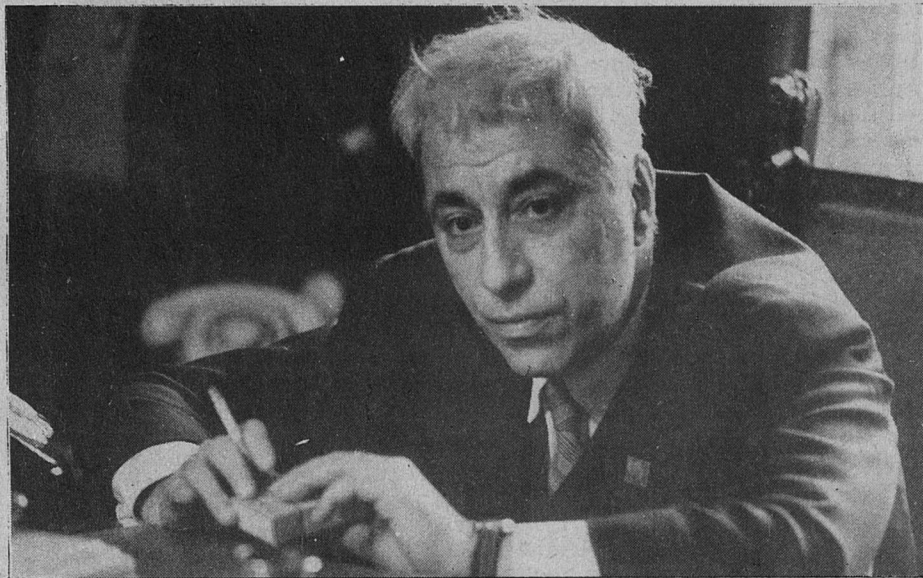

Фото ИТАР-ТАСС.

Михаил УЛЬЯНОВ, народный артист СССР

- Для меня Симонов прежде всего был другом. По жизни, по искусству. Мы вместе начинали, вместе работали. Он был близким человеком, мы много переговаривали, много погуляли, много пооткрывали для себя - что-то удалось, что-то нет. Симонов прожил два этапа своей жизни. Первый, когда он ставил «Иркутскую историю», «Город на заре» - это были пики его взлетов и соответствие его романтического мира и времени. Он был романтиком, витающим в каких-то своих облаках, в мире, который далеко не каждому понятен и нужен. И поэтому, когда в 70-е годы началась эпоха жесткого реализма, когда начался период анализа действительности, образов, характеров, Евгений Рубенович растерялся. Потому, что от него время требовало другое. Он был прав и не прав. Прав, так как его мир был создан его видением театра, актерства, искусства вообще. Его театр - театр поэтический. Он сам был щедро одарен природой, прекрасно писал стихи, замечательно играл на рояле, великолепно пел. А не прав потому, что когда начались жесткие времена, Евгений Рубенович продолжал говорить так, как это было им принято, а его все меньше и меньше понимали.

Я не берусь судить, обогнал он время или нет. Но знаю, что у него были счастливейшие периоды, когда он был созвучен времени, и трудные - когда требовалось одно, а он мог предложить только свое, другое.

Василий ЛАНОВОЙ, народный артист СССР

- Он жил в своем времени, в котором вектор общепринятого времени не существовал. Есть люди, которые живут в своем мире и не до и не после. Он был лирик, ему были непонятны и неприятны социальные вопросы, он в них зачастую ничего не понимал. Евгений Рубенович был «белой вороной» в социальных драмах и конфликтах. И его самого понимали не всегда, что, впрочем, не умаляло его качеств. Весь конфликт Те-

атра Вахтангова в том, что когда мы уже видели этот жесткий надвигающийся период, период, в котором мир вскрыл весь свой цинизм с его царем-рублем и вторичностью своей духовности, Симонов продолжал говорить о надзвездных звучаниях.

Конечно, поэтический театр, о котором говорил режиссер, - это театр и прошлого и будущего. Но даже такой театр должен быть с зубами, должен уметь защищаться. В этом непонимании, как мне кажется, и была катастрофа Евгения Рубеновича. Хотя он счастливо прожил свою прекрасную жизнь. Жил, словно... в стеклянной лучистой банке. Переодически выглядывал из нее и тут же говорил: «Не-не-не» и забирался обратно. Он мой учитель, безусловно. В этом великая для меня радость, но и печаль в этом же. Потому, что мы - его ближайшие ученики - оказались неподготовленными к этому миру. И только благодаря кино этот циничный мир не сожрал нас. Но, наверное, когда-нибудь можно будет жить так, как жил он.

Вячеслав ШАЛЕВИЧ, народный артист России

- Евгений Рубенович ушел из своего времени и жил в своем Пространстве, которое было озарено именами великих людей, с которыми он был знаком и голоса которых он слышал в самом себе. Мы из его высказываний узнавали тембр голоса Пастернака, Маршак. Он был знаком с детства со множеством интереснейших людей, с ними общался.

Наверное, поэтический мир в самом Евгении Рубеновиче был создан и этими людьми. Он был не только Личностью, но и явлением своего времени - это несомненно. В нем сочеталось очень много компонентов, которые на первый взгляд могли показаться дилетантскими. Ну, например, он садился к роялю, ставил пластинку Рахманинова и его обгонял. При этом радовался, как ребенок, что рука у него работает быстрее, чем у Рахманинова. Он был озабочен тем, что его все время «попадали» рифмы. Он владел поэтическим миром, и поэтому зрительный зал до

сих пор с наслаждением смотрит и слушает его поэтические спектакли. А вот когда он брался за современные вещи - кроме, конечно, удач - «Города на заре» и «Иркутской истории», где все-таки был лирический ход, - то переставал что-либо понимать. Помню, он с нами делал «Тринадцатого председателя», и когда в зале раздавались аплодисменты, говорил:

«Не понимаю, чего они хлопают». Не разумел.

Он был автором прекрасных пьес, мастером миниатюр, искрометных остроумных эпиграмм. Он часами мог цитировать Пушкина, Маяковского. Но в нем была не просто высочайшая образованность. В нем была собственная прекрасная душа, которая и делала его явлением. И вот только сейчас, когда его нет, это стало очень остро чувствоваться. Потому что вокруг Симонова всегда создавалась атмосфера праздника и шутки, лиризма и требовательности, незлобivosti и никогда злопамятности. А чего стоят его перлы: «Здесь надо меньше работать. Надо хватать только верхний слой: буль-буль - и все получится». И мы смеялись.

Он создавал Вахтанговскую веселую приподнятую атмосферу. Помню, на репетиции он кричал: «Гениально, замечательно, хорошо». Это подстегивало. Хотелось работать.

У него бывали потрясающие высказывания. Ну, например молодой артистке: «Пойди по сцене и передай...» Она (по школе), естественно, спрашивает: «А что передать-то?» - «Ну просто передай. Передай... неведомое». Такие каламбуры мы за ним записывали. Или, например, «если б я знал, я бы ошибся», или «Надо играть так же темпераментно, как командовал Кутузов, когда ему глаз вышибли». Или в запале: «Маяковский предчувствует те рифмы, которые после войдут у Шекспира», «Я прочел всего Маяковского - и то, что есть, и то, чего нет». Или «зажгите в себе люстру и работайте надзвездно». Все хохотали, а для меня это был высший пилотаж образного мышления. Он был удивительно наивен. Он был счастливым. Но вот в последнее время глаза стали печальными и многое в душе закрывал. Все было не так легко и просто, как нам казалось. Он очень переживал. И сейчас, когда мы обнаруживаем его дневники, записанные в ночи, там море одиночества (истинное качество художника) и долгие минуты раздумья.

В театре Вахтангова с ним

поступили, будем говорить, не совсем по-христиански. Ну партия, ну чиновники, ну азарт артистов, которые увлеклись возможностью что-то поменять в театре. Но забыли о человеческой душе. А он о ней никогда не забывал. Тем более что «политические» спектакли «Кабанчик» и «Брестский мир» (этого почему-то никто не заметил) появились еще при Симонове, и это значило, что в его деятельности уже происходил этот разворот - к современным спектаклям. Никто не заметил...

Никита ДЖИГУРДА, артист

- Как это громко мы прозвучит, но для меня Евгений Рубенович Симонов - гений. И скоро это поймут многие. Да-да. Он не был святым или праведником, но думал о будущем, предвидел его и работал на него. Он проповедовал поэтический театр. Говорил нам: «Мальчишки-дурачки, я вынужден - для того, чтобы выжить - ставить два советских спектакля, один антисоветский и один поэтический. Но будь моя воля, создавал бы на сцене только поэзию. Ведь в этом отличие театра Вахтангова...» Я помню, как он грустно сетовал: «Ну как Мишка с Васькой не понимают, что вся эта перестроечная абракадабра скоро пройдет как... и ажиотаж вокруг политического и социального театра растворится и склынет. Ну с чем они останутся? Со своей обидой на тех, кто отобрал у них веру в коммунизм. А может, нужно просто верить в более вечные истины? Неотбираемые? Эх, мальчишки-дурачки».

И правда, где они теперь - сценические перестроечные откровения, в то время казавшиеся верхом смелости и свободы? Где? Зато есть «Три возраста Казановы» Цветаевой - спектакль Симонова, до сих пор идущий в Театре Вахтангова на аншлагах. Ну а сколько было бы светлых постановок за те семь лет, которые Евгений Рубенович потратил на пробивание и создание своего театра? В том, что на сцене сейчас нет этих поэтических произведений, - и наша вина. Потому что мы могли помочь ему - но не помогли. Поэтому я прошу прощения у Учителя за то, что, как многие его ученики и друзья, тогда не до конца понимал его. Думал, что нужнее искусство, остро отражающее сегодняшние проблемы. И что Симонов просто не до конца это осознает, пребывая в своем придуманном мире. А он осознавал. Он ведал, что творил. Но нет пророков в своем Отечестве.

Семьдесят лет Евгению Рубеновичу. Почти год он не приходит к нам со своей неизменной бабочкой. Но сегодня вечером в симоновском театре (по иронии судьбы он напротив Театра Вахтангова) премьера его поэтической пьесы «Франсуа Вийон». А впереди... Впереди - постановки его же стихотворных драм «Смерть Павла I» и «Шекспир». Впереди... признание и вечность. Вечность, в которую глядывался Мастер. Те, кто знал Симонова, помнят ЭТОТ его взгляд. В обыкновенном, банальном разговоре - вдруг взгляд в неизведанное...

Мы помним вас, Учителя! И очень любим.

Елена КУРБАНОВА.